

говорить? Действительно, если надобно опускать как необычное и нелепое все, что извращенные нравы людей сделали таковым, чтобы могло оно казаться чуждым, то и от христиан надлежит нам скрывать почти все, чему учил Христос. Он, однако же, не только запретил это скрывать, но повелел открыто, на крышах проповедовать то, что сам прошептал им на ухо. Очень большая часть его слов гораздо более чужда нравам людей, чем то, что содержалось в моей речи. Разве что проповедники, люди хитрые, полагаю, последовали твоему совету и, узнав, как тяжело людям приспособить свои нравы к требованию Христа, приладили Его учение к людским нравам, словно линейку из мягкого свинца, чтобы по крайней мере хоть как-то соединить их. Тем самым, я вижу, они не достигли ничего, кроме того, что дурным людям оказалось возможно быть беспечнее; сам я, давая советы правителям, конечно, добился бы того же. Ибо, стань я думать обратное (а это означало бы, что я вообще ни о чем не думаю) или думай я то же самое во всех случаях, как говорит у Теренция Микион, я был бы пособником их безумия. Ибо я не вижу, для чего этот твой окольный путь, по которому, полагаешь ты, надобно идти, и в случае невозможности сделать все благим, постараться наиболее удачно повернуть это и обратить в наименьшее зло. Оттого что нет там места для притворства и нельзя закрывать глаза; надобно открыто одобрять наихудшие советы и подписывать наигубительнейшие указы. Бесчестно даже хоть сколько-нибудь хвалить дурные установления, это достойно лазутчика и почти что предателя.

Более того, оказавшись среди таких сотоварищей, которым легче испортить самого лучшего человека, чем исправиться самим, ты не встретишь ничего, в чем бы ты мог оказаться хоть сколько-нибудь полезен. Тебя развратит их порочная жизнь, или же, пребывая невинным и непорочным, ты станешь покрывать чужую злобу и глупость. Очень далеко от того, чтобы на этом самом окольном пути можно было бы повернуть к лучшему. Поэтому Платон в прекраснейшем своем сравнении показывает, что мудрецам с полным основанием должно воздерживаться от управления государством. Ибо они видят, что народ высыпал на улицы и мокнет под непрекращающимся ливнем, но не в силах убедить людей укрыться от дождя и стать под крышу. Они знают, что если сами выйдут, то ничего не добьются, а только вымокнут все вместе; они пребывают в доме, полагая достаточным, что если не могут они излечить чужую глупость, то по крайней мере сами целы. Хотя, конечно, мой Мор (если сказать тебе по правде, что у меня на душе), мне кажется, повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо. Разве что ты сочтешь справедливым, когда все самое лучшее достается самым плохим людям, или постигаешь удачным, когда все распределяется между совсем немногими, да и они живут отнюдь не благополучно, а прочие же вовсе несчастны.

Поэтому я наедине с самим собой обсуждаю мудрейшие и святейшие установления утопийцев, которые весьма успешно управляют государством с помощью весьма малочисленных законов; и добродетель там в цене, и при равенстве всем всего хватает. С другой стороны, я сравниваю с их нравами великое множество других народов, постоянно все упорядочивающих и никогда не имеющих достаточного порядка; у них повсюду каждый называет своей собственностью то, что он найдет; законов, издающихся каждый день, там недостаточно для того, чтобы им подчинялись, чтобы они могли кого-нибудь защитить или достаточно четко отделить от чужого то, что кто-то называет своей собственностью. Это легко подтверждают бесконечно и неизменно там появляющиеся, но никогда не кончающиеся раздоры. Когда, говорю, размышляю я об этом наедине с собой, то становлюсь справедливее к Платону и менее удивляюсь, что он счел для себя недостойным вводить какие-либо законы для тех людей, которые отвергли уложения, распределяющие все блага поровну для всех. Ибо этот наимудрейший человек легко увидел наперед, что для общественного благополучия имеется один-единственный путь – объявить во всем равенство. Не знаю, можно ли это соблюдать там, где у каждого есть своя собственность. Оттого что когда кто-нибудь, основываясь на определенном праве, присваивает себе, сколько может, то, как бы ни было велико богатство, его целиком поделат между собой немногие. Остальным же оставляют они в удел бедность; и почти всегда бывает, что одни гораздо более достойны участи других, ибо первые – хищные, бесчестные и ни на что не годятся, вторые же, напротив, – мужи скромные, простые, и повседневным усердием своим они приносят обществу добра более, чем самим себе.

Поэтому я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность. Если же она останется, то у наибольшей и самой лучшей части людей навсегда останется